

Вот уже несколько дней он подошел к письменному столу, сел, взял чистой лист, клал его перед собой, и на этом останавливался. Все оставалось без изменений, хотя с утра старательно затачивался карандаш, заваривался кофе, возлагался на стол чистой лист чистой бумаги (он знал из книг, что так поступают все писатели), но... Но все оставалось неизменным: кофе остывал, карандаш стачивался только в приготовлениях, а самое главное - неизменным оставался белый лист. Не было не просто слов, не было того, с чем начинается вдохновение. Не было какого-то внутреннего порыва, душевного подъема, не было того, что и не всегда объясним, но с чем сразу, как по волшебству, ясно видишь не какие-то контуры своего творения, а вполне осязаемых, живых героев, их действия и поступки, их слова. Но было желание писать! Хотелось писать, высказывать свои мысли и чувства, доказывать себе и всему миру: я могу быть писателем!

Но просто сидеть и ждать, перебирать что-то в памяти он уже не мог. Надо было что-то сделать, и он решительно вышел из дома.

Его окутала тишина московского осеннего вечера, но хотелось прорваться сквозь октябрьскую тишину. Знакомой дорожкой он вышел через узкие переулочки на Тверскую. Несмотря на позднее время, здесь было шумно, ярко, почти как днем. Небольшое уличное освещение и яркие вывески все-таки давали ночной тишине опуститься на мостовую, что в этом ярком каменном мире он все-

найдёт то, что так нужно начинающему писателю, что поможет воплотить его страстное желание творчества в конкретное образы, в сюжет. Он вглядывается в лица прохожих, прислушивается к разговорам за соседними столиками в ресторане, пытается разгадать и предугадать судьбы людей, их характеры, за что-то зацепиться вообразившись, но интерес пропадает, не вызывая дальнейшего продолжения.

И снова улица, прохожие, плакатки, фонари, витрины. Но что это? Не может быть! Неужели это она? Он ещё раз, чуть ли не по слогам прочитал яркую афишу. Да, это была она! Та, которой рукописками Италия и Франция, чей божественный голос свёл с ума в Киеве. Тогда же не отпуская прищадомку: пятнадцать раз взмывает занавес, пятнадцать раз она выходит и пела, и как пела! Но, что он тогда испытывал, он не мог объяснить словами. Её пение не просто потрясло и заволашевало, перед ним словно открывался другой мир. Мир, ещё не ведомый, недостижимый, без которого земная жизнь уже теряла всякий смысл. И сейчас только при упоминании её имени душа наполнилась таинственным волшебством, что уже не было ни ослеплого восторга, ни мучительных поисков, ни улицы, ни людей - не было ничего. А была только она, и любовно впохлывшее желание услышать её голос! Решение принято любовно - и вот он в театре. Успех ко второму акту.

Она дебютировала в драматической роли по-прежнему была неподражаема! Её сочетанием с шекспировским текстом

а будущая пластика поднимала образ дочери подмороженною в штрипах королевского гримёстера до головокружительной высоты! Заи замирали при её выходе и врывались рукошескими и безудержными овациями по окнам её мамонтов. Заширомо дохали и у него. Нет, не замирали, а останавливались, а потом он снова начинал жить, жить и дошать, и слова в том удивительном мире, с высотой которой видел других и себя, и всё, что было вокруг. Он чувствовал, что теперь своей игрой она словно посвящает его в какую-то новую тайну, с которой именно теперь перед ним открывается то, ради чего, может быть, он и появился на свет!

Прекрасная и величественная, она держала в напряжении весь зал на протяжении спектакля. Каждое её движение, каждый поворот головы, каждый жест — всё привлекало внимание. Казалось, она полностью перетянула на себе и свою трагедию не только внимание зала, но и сюжет известной трагедии. Судьба соизвещающего принца уже не захватывала публику. Дале всех на сцене жила только она, только её образ!

Спектакль окончился, занавес опустился. Зал задрожал от аплодисментов. Публика восклицала её имя и в нетерпении мела к сцене букеты цветов, но неотиданно для всех на сцену вышел человек с растерянным лицом и дрожащим голосом сообщил зрителям, что её больше нет.

Позднее, как он ни пытался, он никогда не забудет того, как оказалась дома за ним

стали. Память сохранила только напряжение
бессонной ночи и то, как один за другим складыва-
лись безудержно пишущие листы, и как уже
перед рассветом он уверенно крупно и твердо
подписал свой первый рассказ: "А. Куркин".

